

М.В. Кротова

**ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.
В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ**

Аннотация. В статье речь идет об эволюции оценок причин и последствий революции 1917 г. русскими эмигрантами в Китае. На основании как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот документов автор утверждает, что взгляд проигравших в революционных событиях также необходим для понимания истории России, создания многомерной картины русской смуты. Сделан вывод о том, что отношение эмигрантов к революции с течением времени менялось от резко негативного к взвешенно-историческому.

Ключевые слова: революция, русская эмиграция, Китай, Маньчжурия, Вс.Н. Иванов, И.С. Ильин, Г.К. Гинс, В.А. Морозов, С.Г. Скиталец.

Кротова Мария Владимировна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ), Санкт-Петербург.
E-mail: mary_krot@mail.ru

M.V. Krotova. Understanding the Revolution of 1917 Among Russian Emigration in China

Abstract. The article deals with the evolution of the assessment of the causes and consequences of the 1917 revolution by Russian immigrants in China. Drawing on both published and new documents the author argues that the views of the losers in the revolution events is also necessary for understanding the history of Russia, the formation of the multidimensional picture of the Russian turmoil. The article concludes that the attitude of Russian emigrants to the revolution over time changed from a sharply negative to balanced historical.

Keywords: revolution, Russian emigration, China, Manchuria, Harbin, Vs.N. Ivanov, I.A. Il'in, G.K. Guins, V.A. Morozov, S.G. Skitalets.

Krotova Mariya Vladimirovna – Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University of Economics.
E-mail: mary_krot@mail.ru

Тема русской революции продолжает волновать общество, вызывая острые дискуссии о ее причинах и последствиях для России. Обращение к эмигрантскому наследию представляется важным: взгляд проигравших также необходим для осмысления истории России – тем более что в СССР революционные события оценивались под определенным идеологическим углом. В среде русской эмиграции был представлен весь спектр оценок революции и ее последствий. Одна часть эмиграции, пугаясь стремительно разрушающегося мира, предпочитая устоявшийся порядок, не принимала революцию как таковую. Другие стремились понять революцию, найти в ней не только отрицающее, но и созидающее начало. Для одних революция была пугающей и жестокой, другим она обещала возможности новой жизни.

Эмиграция в Китае, в частности в Маньчжурии, была значительной по масштабам. Сюда устремились остатки белых армий А.В. Колчака и Г.М. Семенова из Сибири. «Культурных сил» здесь было немного, и, по словам полковника И.С. Ильина, в Китай попал «второй сорт» старой российской интеллигенции, и то «в очень незначительном количестве» [14, с. 798]. В Китае существовало несколько десятков политических эмигрантских организаций, но ни одна из них не имела серьезного влияния. Глава русской дальневосточной эмиграции генерал Д.Л. Хорват считал, что образование организаций различных политических оттенков «давало богатую почву для споров, несогласий и интриг, и порождало вредную для общего дела борьбу за влияние и приоритеты» [24, л. 5]. Тем не менее в Харбине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине – главных центрах русской эмиграции – было много русских эмигрантских газет и издательств, в архивных собраниях сохранились различные эго-документы, переписка, дневники, воспоминания эмигрантов, отразившие реакцию на события 1917 г. в России.

Практически все эмигранты межвоенного периода были так или иначе причастны к революции. В 1920-е годы главным лейтмотивом непосредственных свидетелей событий и участников Гражданской войны был мотив краха, разрушения, конца истории: «Россия пропала», «заволокло густым туманом русскую землю», «поруганы национальные святыни, нарушен родной быт» [23, с. 1]. П.А. Ольбрих (Северный), участник Гражданской войны, в одном из своих ранних рассказов делал акцент на опьянении народа беззаконностью во время революции: «Люди, обезумевшие от радости, с одурманенными головами от испарений крови, разрушали все великое, достигнутое поколениями. Убивали прежних сильных – теперь жалких и беспомощных. А кровь лилась, алая, теплая, русская, господская, ненавистная кровь лилась» [21, с. 16]. Об общем состоянии русских людей без различия сословий и происхождения писал в своем дневнике в 1920 г. полковник И.С. Ильин: «Преступления, насилие, воровство, потеря чести и совести и с той, и с другой стороны до смешного одинаковы» [12, л. 156]. Писатель С.Г. Скиталец

(1869–1941) считал, что в русской революции преобладала «“смердяковщина”, садизм, жестокость и хамство» [22, с. 73].

После первых эмоциональных откликов, проникнутых тоской и безнадежностью, в эмигрантской среде появились попытки понять, что произошло в России. Конечно, удобнее всего было объявить виноватыми исключительно большевиков: «Социалистическая орда разгромила Государство Российское. Они убивали людей, насиловали женщин, заставляли людей есть друг друга, уничтожали памятники искусства, заставляли кланяться своим лже-богам, обманывали, лгали на каждом шагу, грабили, воровали. И все это чудовищно назвали “светлым грядущим раем”» [11, с. 97].

Но были и другие мнения, более взвешенные, демонстрировавшие трезвую оценку и анализ произошедшего. И.С. Ильин считал, что вырождение элиты – одна из основных причин революции. В своем дневнике он оставил запись от 21 июня 1918 г.: «Кажется мне, что мы, русские, и Россия переживем отчаянную катастрофу и мы, дворяне, и правящий класс жестоко поплатимся за свою мягкотелость, за свою идиотскую бесхребетность. <...> Дворянство выродилось. Это не в упрек, все вырождается, все кончается, но упрек в том, что преемственности не создали и за дворянством никого не оказало, а среднего класса, этого фундамента всякого народного существования, вернее государственного, в России вообще не было или был очень незначительный, ибо не успел еще народиться. Вот в критическую минуту и полетело все к черту» [15, с. 273]. События в России он считал закономерной расплатой: «Все мы русские, все мы виновны и все мы носим дурные черты в себе русского характера» [15, с. 285]. Наблюдая события Гражданской войны, когда с людей быстро слетел налет «цивилизованности» и обнажилась страшная человеческая природа, он записал в дневник 10 апреля 1919 г. в Семипалатинске: «Ни пафоса революции, ни гимна, ни подъема высокого и упоенного – ничего мы не создали, и ничего не “выперло” из нас, зато показали подлинное лицо и всю настоящую затаенность: грабеж беззастенчивый, упоенный, сладострастный, похабщину, матерщину вместо гимна и изуверство по Достоевскому, который угадал это давно своим сверхгениальным чутьем: загаженные алтари, изнасилованные женщины, растленные дети, испохабленный очаг» [15, с. 369].

Юрист, участник Гражданской войны В.А. Морозов (1891–1979) в своих воспоминаниях, созданных через 50 лет после революции, писал о неготовности интеллигенции к событиям 1917 г., непонимании ею процессов, происходивших в стране: «Революцию интеллигенция встретила во всеоружии политического невежества и наивности. <...> Мы просто считали, что нас обманули, предали, надругались над всем светлым и чистым. Ничего, буквально ничего мы не понимали в происходящем и совершенно не представляли себе, что будет дальше и что надо делать» [18, л. 45]. Оказавшись

в эмиграции, многие думали, что это временное явление, что нужно ее просто переждать – буквально, “как в стогу сена переждать застигшую ... пургу или ливень”» [18, л. 46]. Об этом же писал И.С. Ильин: «Революция пугала и удивляла. Лишь бы отсидеться! Лишь бы “не пришли сюда”. Пускай “там” делают, что хотят, “не трогали бы нас”. Авось защитят японцы или китайцы» [14, с. 800]. В записи от 13 апреля 1921 г. он подчеркнул влияние революционных событий на людей: «Какое все-таки падение нравов. <...> Война, страшное напряжение в продолжении нескольких лет, а у нас в России и революция разложили общество. Утеряна законность, стерлись нравственные грани, стало все возможным и позволительным. Ведь большевизм сделал свое дело, он несомненно отразился и на нас. Мы все ведь тоже стали до известной степени “большевиками”» [12, л. 94].

Схожие мысли высказывал юрист, профессор права Г.К. Гинс, который часто публиковал заметки о революции и ее причинах в харбинской прессе. Так, в статье «Русская интеллигенция и наука права» (1925) он отмечал отсутствие правосознания у русской интеллигенции. Гинс настаивал на том, что защита от революций и потрясений – следование нормам «и частного, и публичного права» [4, с. 58]. Талантливый писатель и журналист Вс.Н. Иванов в статье «Памяти адмирала Колчака» (1928) писал о расколе общества как последствии революции, о «неугасимом пламени злобы, факелом вспыхнувшем в душе русского народа»: «Русский русскому стал врагом; русский русскому стал волком, – а если одна стая волков истребит другую стаю, то ведь останутся не ангелы – откуда ангелам взяться? – а останутся те же волки <...> Для преодоления революции нужна была совесть, а совести-то и не было. Ни в красном, ни в белом стане» [11, с. 193].

* * *

Эмигранты в Китае, пытаясь понять суть большевизма и революции, связывали их, как правило, с национальными особенностями. И.С. Ильин, только прибыв в Харбин в 1920 г., поставил вопрос, который стал стержневым не только для него: «В чем дело с русскими людьми?» [12, л. 35]. Ильин считал, что революция высветила основные черты характера русского народа, показала его истинное лицо. В своем дневнике, в записи от 28 февраля 1921 г. он заметил: «Вне всякого сомнения, что власть опирается на какие-то основы, находит оправдание в своем существовании, отвечает каким-то сторонам народной психики. Большевизм русское дело, и его гениально, как пророк, видел и предсказал Достоевский» [12, л. 83].

На страницах дневника Ильин постоянно возвращался к этой теме. После обычного разговора о причинах поражения Белого движения и типичных эмигрантских доводов («нас предали и англичане, и французы, и подло

поступил Вильсон», «не будь союзников, не было бы большевиков») он раздраженно записал в дневнике (запись от 15 марта 1930 г.): «У русских есть черта – все виноваты, кроме них самих. Черта дурная и вредная» [13, л. 132]. В другой записи, от 15 июля 1930 г., он подчеркнул особенности русской ментальности: «У нас нет преемственности и до чрезвычайности слабо развито чувство долга в отношении близких, родины и даже себя самого. В нас нет дисциплины, духа, выдержки – мы делаем то, что “моя левая нога хочет, а там наплевать, хоть трава не расти!”» [13, л. 135].

Известный писатель С.Г. Скиталец в статье «Перевал» (1926) также пытался нащупать главные отличительные черты русского характера, проявившиеся в революции: «Созерцательное, безвольное отношение к жизни, лень и равнодушие к собственной судьбе вплоть до критического момента, когда по необходимости и против желания вдруг обнаруживается как бы дремавшая до сих пор неожиданная сила» [22, с. 71]. Революция, по его мнению, стала «звездным часом» бессмертных гоголевских типов – Хлестаковых, Чичиковых, Ноздревых: «Едва только запахло революцией – все они “с легкостью в мыслях необычайной” перекрасились в угодный начальству цвет, кинулись к власти и энергично начали “действовать”». Вследствие того, что самыми активными людьми оказались именно такие герои, революция, по мнению Скитальца, явилась не в «благородном и возвышенном виде», но с первых же дней приняла «пошлейший и отвратительный характер всеобщих корыстных злоупотреблений властью, растрат и хищений народного достояния» [22, с. 75].

Интеллигенция, по мнению Скитальца, никак не могла принять такую революцию: «Она не могла работать под руководством своих органических и заклятых врагов, спроворивших встать во главе революции, с Ноздревым, который без воровства шагу не сделает, с мошенником Чичиковым и авантюристом Хлестаковым, ведь с ними прежде она всегда боролась, как с “социальным злом” и “общественной язвой”». Поэтому эмигрантской интеллигенции была близка позиция героя Чацкого: «Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!» [22, с. 77].

Русский народ Скиталец сравнил с Тюлиным, персонажем рассказа В.Г. Короленко «Река идет», – мужиком, перевозчиком через реку, вечно страдающим «похмельной скорбью»: «Он беспечно лежал ... на берегу разыгравшейся революции и равнодушно созерцал подымающую где-то там “у них” кутерьму. Ему казалось, что это – не его дело <...> Но приехали комиссары, и поехали на нем, заставили везти их на его тяжелом, неповоротливом судне. Он думал было ... отделаться от них, но не тут-то было» [22, с. 78]. Однако Скиталец верил, что русский народ, как «зачарованный странник», которому на роду написано «вечно погибать и который все-таки погибнуть не может», победит «не хлопотливой и шумной активностью, но единст-

венно гигантским своим терпением и несокрушимым стоицизмом в страдании – свойствами всякой большой и исторической силы» [22, с. 78].

Вс.Н. Иванов в статье «Зачарованные петухи» (1928) высказал предположение, что русский народ всегда существовал сам по себе, и после революции продолжал жить своей особой жизнью, особняком от советской власти: «Мелодия Интернационала играет на всех дудках, а в глубине России растет ироническое, смешливое отношение к коммунизму: “Новые баре тешатся! Пушай их!”» [11, с. 240]. Он считал, что русский народ все тот же, что и всегда, что «много мудрости держит в себе народная душа»: «Уживался отлично с татарами, заимствуя у них самое нужное; жил под поляками», значит переварит и «чарования и мудрования социалистические» [11, с. 243].

Вс.Н. Иванов пытался понять феномен фигуры В.И. Ленина, посвятив ему несколько статей и небольшую брошюру, вышедшую в 1928 г. в Харбине. В ней он признавал, что Ленин русскому народу «не чужой, он национален», это «большая и сильная личность», которая «взлетела на гребне войны, разрухи, недовольства, бесталанности правителей, вызывающей, провокационной нестеснительности высшего слоя, который провоцировал своей отчужденностью поход народа против буржуев» [10, с. 84]. Здесь же он указал на духовную составляющую революции: «Правдой руководится русский мир, в октябрьские дни он был соблазнен тоже правдой» [10, с. 92]. Однако Вс.Н. Иванов сомневался в том, что Ленин «окончательно досконально вы-знал свойства русского народа», и считал, что в «широком и вольном русском море» остались еще «неуловленные жемчуга» [10, с. 84].

* * *

Революция и Гражданская война привели к резкому «поправению» эмиграции. Многим, даже либеральным деятелям, казалось, что единственным спасением России может быть монархическая идея, реставрация старого строя. Необходимо заметить, что монархизм в условиях усиления советского влияния в Китае играл роль оппозиции коммунистической идеи, был важен для воспитания молодежи в русских традициях, сохранения «старой» России. С точки зрения этого «правого» крыла русской колонии в Китае, революция в России была торжеством материализма, следовательно, главными задачами эмиграции считались сохранение духовной составляющей, в частности православной веры как основы русской культуры.

В этой среде раздавались призывы к персональной борьбе с коммунизмом как «мировым злом»: «Идет борьба. Мы, солдаты, будем биться за великое прошлое, за традиции, за историю, за славу и самое имя Россия» [23, с. 40]. Революция для большей части эмиграции была основой для построения собственной идентичности, оправдания своего существования. Не слу-

чайно день 7 ноября также отмечался в эмиграции как день непримиримости, сплочения рядов. Генерал Д.Л. Хорват 6 ноября 1932 г., в преддверии 15-летия революции, обратился с посланием из Пекина: «7 ноября большевики будут праздновать призрачное и непрочное торжество своей власти над Русским народом. Для нас этот день – день траура, когда мы будем возносить молитвы о мученически погибших Государе Императоре и Его августейшей семье, о героях и мучениках национального движения и о всех Русских людях, погибших за 15 лет кровавой изуверской коммунистической власти. Но вместе с тем, раз не сломлена наша вера, этот день будет для нас днем торжества Русского духа, днем неумираемости (sic! – М. К.) идеи белой борьбы, и не должно поэтому быть в наших сердцах ни уныния за наше будущее, ни сомнений в правоте нашего дела. Мы по-прежнему будем смело и бодро смотреть на будущее и непоколебимо верить в предстоящее освобождение России от ига III Интернационала и в ее грядущее национальное возрождение» [25, л. 1].

Не случайно, что в русской колонии в Китае возникла потребность в идеологическом оформлении представлений консервативной части эмиграции, в личности, которая бы выразила чаяния эмигрантов, сплотила бы их и дала надежду на «светлое будущее». На роль главного идеолога «правых» претендовал В.Ф. Иванов – адвокат, общественный деятель, организатор монархического объединения в Харбине. Иванов был неустанным критиком либерализма и сторонником сильной власти. В своих многочисленных работах он делал акцент на самобытности России, особенностях русской государственности. Он считал, что роковую роль в революции сыграла интеллигенция, которая сделала все, «чтобы очернить наше прошлое и ошельмовать русский государственный идеал». «Очерки русской культуры» П.Н. Милюкова он назвал произведением «антиправославным и антирусским». Дореволюционные русские университеты, по его мнению, были «рассадами лжи и клеветы на наше прошлое», где либеральные профессора «настраивали общество против царского деспотизма» [8, с. 13–14]. В своей книге «От Петра I до наших дней» (1934) он еще раз подчеркнул роковую роль «средостения» – так называемой прослойки, отделявшей царя от народа и захватившей управление русской жизнью. По его мнению, элита России, а также интеллигенция, приняв прямо или косвенно масонские взгляды, предали забвению «основной идеал русского народа – православие», это и привело Россию к революции и гибели [9, с. 202].

Необходимо заметить, что В.Ф. Иванов был выразителем монархических, антикоммунистических взглядов с определенными антисемитским и антимазонским уклонами, находивших широкий отклик в эмигрантской среде, связывавшей советскую власть и «еврейское засилье» в России. Антисемитизм стал основой русских фашистских организаций в Китае, возникших в середине

1920-х годов. Их идеалом была «Святая Русь» – государство, основанное на православной вере и социальной справедливости. Девизом русских фашистов стали слова: «Бог. Нация. Труд» [20, с. 97]. Фашизм считался перспективным орудием борьбы с большевизмом, его лидеры утверждали, что необходимо учиться у противника и бить большевиков их же оружием. Но в действительности фашистские организации в Китае в 1930-х годах попали под полную финансовую зависимость от японцев, использовали беспринципные методы работы и вскоре оттолкнули от себя большинство эмигрантов. Так, на траурном праздновании Дня непримиримости в Харбине 7 ноября 1934 г. профессор Г.К. Гинс в своей речи подчеркнул: «Ужас русской трагедии заключается в том, что большевизм меняет лик русского народа, калечит его душу, вытравливает прежнюю мораль. Влияние большевизма проникает в эмигрантскую среду, которая усваивает некоторые его методы, и самый ужасный из них – “цель оправдывает средства” – проникает в сознание эмиграции. Бойтесь этого и помните, что злом никогда не достигается добро» [7, с. 5].

* * *

Эмигранты в Маньчжурии имели хорошую возможность узнать о жизни в пореволюционной России. Здесь находилась большая советская колония: партийные, комсомольские, пионерские организации, проходили собрания, диспуты, показы советских фильмов. В Харбин поступали практически все советские издания, благодаря чему эмигранты были хорошо осведомлены о событиях в СССР. Г.К. Гинс, профессор Юридического факультета в Харбине, где учились как советские граждане, так и эмигранты, внимательно следил за происходившими изменениями в советской России. В его архиве сохранились заметки к лекции о «новых» советских людях. В частности, его интересовало, насколько революция повлияла на русских людей, каким стал «новый человек», кого «выковала советская кузница» [2, кадр 46].

Он был разочарован результатами советского эксперимента, считал его несостоятельным и утопичным. В намеченном плане лекции «Старые и новые люди», которая состоялась 15 ноября 1933 г. в помещении Харбинского коммерческого собрания, он выделил следующие пункты: «Изменение общественной жизни в СССР. Пролетаризация. Распухание городов. Омоложение. Мужской облик женщины. Обезличение людей. Штапованные люди: партийцы, комсомольцы, герои труда. Власть массы и техники. Узость и односторонность образования и развития. Новая интеллигенция. Литература, наука, театр. Пробуждение человека в СССР. Лозунг – больше жизнерадостности. Потребность в духовном возрождении. Заключение: Роковое сходство “штапованных людей” капитализма и коммунизма. Огрубение этической и политической культуры нашего времени» [2, кадр 59].

Более всего Гинса раздражали «уравниловка», «власть коллектива» в советской России. Революция, считал харбинский профессор, «активно уничтожала людей и вбивала в головы мысль, что личность ничего не стоит»: «Революция, Масса, Пролетариат, Человечество – вот ценности. Нужно думать о классе, а не о человеке», «коллективное побеждает личное» [2, кадр 38]. Другим важным следствием русской революции Гинс считал атеизм, замену религии идеологией: «Вместо религии: Пятилетка, Ленин, Сталинизм. Социализм – Аллах и Сталин его пророк». Подводя итог, Гинс задавался вопросом – решила ли революция вопрос о создании нового человека: «Если новые по времени люди принесли узость, человеконенавистничество, нетерпимость, произвол, – они будут старше старых по культуре. Новыми будут те, кто принесет новую социальную этику, слово, которое осветило бы путь и озарило бы души» [2, кадр 39]. Однако он признавал, что «живущие под властью Советов приобрели практицизм, сознательность, дисциплинированность. Им нужно только ощутить свободу духа, скованного железными тисками казенной мысли и партийной воли». Гинс считал, что эмиграция и люди, жившие в СССР, неизбежно будут сближаться, «сказано будет слово синтеза гармонического слияния духовной свободы и сознательного служения нации», «чем больше мы будем знать себя и других, чем больше мы будем понимать историческую значимость нашей эпохи» [2, кадр 46].

Переехав в 1941 г. в США, Гинс продолжал размышлять о последствиях революции, о нравственной деградации русского общества. В статье «Рождение нового мира» (1942) он подчеркнул: «Не может быть возрождения на основе одного только политического и экономического переустройства мира. Как политика, так и экономика должны быть подчинены столь беспощадно попираемым на наших глазах началам человеколюбия и честности. Не потому отвратен коммунизм, что он ввел новую систему хозяйства. <...> Что вызывает общее возмущение в этой системе – насилие над людьми, отсутствие уважения к человеческой личности, то, что создает массовые принудительные выселения и расселения, террор, лишенцев, концентрационные лагеря – то, что делает всех граждан Советского Союза, не исключая и должностных лиц, столь забитыми, напуганными подчиненными постоянной слежке» [3, с. 3]. Однако Гинс верил в очистительную силу страданий, которые принесла революция и война русскому народу, в перерождение и естественный поворот истории: «Тернистый путь, который проходит сейчас мученически Россия, ведет ее к нравственному просветлению. Литература и поэзия дней войны звучат новыми мотивами любви к человеку, уважением к его духовному подвигу. Народ, не ответственный за ужасы революции, пережил их и перестрадал, он пережил еще большие ужасы войны, и в мире будущем он будет искать отдыха от жестокости» [там же].

* * *

Межвоенный период был «золотым» временем для русской эмиграции в общественно-политическом и культурном плане: надежды на скорое возвращение, активные политические споры, жаркие дискуссии о будущем России, ренессанс православной веры. Каждый новый год в русских газетах в Китае печатались пожелания возвращения на родину, воскресения Великой России. 1 января 1934 г. в харбинской газете «Наш путь» М.Ю. Михайловская писала: «Вместо сатанизма, отчаяния и пошлости восторжествует глубокая вера в Бога, надежда на светлое будущее, нравственность и сознание, что только в честном труде и самообразовании залог нашего процветания». Семилетняя девочка Ларочка Зланская оставила свое пожелание: «На будущий год не будет уже большевиков, и мы все поедem в Россию. Мама мне сошьет форму и фартучек, и я буду учиться в русской гимназии на всех пятерках, а за это мне будут дарить мои мама, папа, дяди и тети подарки – и игрушки, и книги со сказками, которые я уже буду сама читать маме» [19, с. 3]. Харбинский календарь на 1940 г. давал обнадеживающие предсказания: «Война принесет падение большевизма в России. Россия будет иметь националистическое правительство» [1, с. 62].

Однако оккупация Маньчжурии Японией, а затем и Вторая мировая война заставили эмигрантов пересмотреть свои взгляды на основе патриотизма и антияпонских настроений. С течением времени большинство эмигрантов пережили идейную эволюцию, восприняв политику Сталина как возвращение России к национальным основам государственности. Этот путь прошло большинство русской эмиграции, приняв (восстановив) в середине 1940-х годов советское гражданство и пересмотрев свои взгляды на революцию и ее значение. Бывший член фашистской партии, принявший советское гражданство после Второй мировой войны в Шанхае, Н.П. Меди пытался в своих работах соединить социализм и христианскую идею. В статье «Освобожденная церковь» (1948) он писал: «Октябрьская революция... поставила и успешно разрешает задачу построения свободного и справедливого общества. Но ее правда, будучи правдой “кесарева” плана жизни, правдой социалистической и политической, не только фактически не противоречит другому, Божьему плану жизни, но, наоборот, содействует превращению человека из игрушки стихийных сил природы в свободную человеческую личность» [16, с. 33].

Бывшие противники «красных» И.С. Ильин, Вс.Н. Иванов, В.А. Морозов также стали советскими гражданами. В записке для Генерального консульства СССР в Харбине (1945) Ильин пытался объяснить позицию офицерства и интеллигенции, выступивших в 1917 г. в защиту «гибнущей России»: «Чтобы окончательно понять чувства, движимые этими людьми, чтобы уловить их психологию, надо на минуту представить себе, что бы произошло в СССР,

если бы там, в дни величайшего национального напряжения вспыхнула революция, правительство было бы свергнуто и с немцами заключен бесславный мир. Что бы сказали советские маршалы, офицеры, советские патриоты? Они, вероятно, тоже ушли в борьбу против тех, кто ради “каких-то идей” рискнул на тягчайшее потрясение?! Большинство белых вождей были мужественные и честные люди, проникнутые глубоким патриотизмом. Не их вина, что белое движение выродилось. Оно и не могло не выродиться – такой закон жизни. Побеждала революция, потому что за ней шел великий народ, но не всякому дано было то сразу увидеть. Да, наконец, в душах этих людей жило еще недоверие, у многих страх, ведь прошлое было так близко, казалось, что борьба еще не кончена» [14, с. 811]. В этой записке Ильин выразил надежды на духовное обновление России, а также на оправдание эмиграции: «Все горести, перенесенные ими [эмигрантами], и все потрясения, пережитые родиной, были ненеприятными. Все принесенные жертвы, оказывается, были не только нужны, но и необходимы. Революция, гражданская война, крушение старого мира привели страну не к гибели, а к возрождению. Выходило, значит, что революция была необходима и что без революции немыслимо было возрождение России» [14, с. 835].

* * *

Однако послевоенные события способствовали поляризации мнений российских эмигрантов в Китае. Время показало, что непримиримых антибольшевиков среди эмигрантов оставалось достаточно много. Для них смыслом жизни было сопротивление «коммунистическому злу» и устранению советской власти в России. Профессор М.П. Головачев, проживавший в Харбине, затем в Шанхае, после войны смог переехать в США. Он и там продолжал писать, издавал собственными силами в Сан-Франциско журнал объединения российских антикоммунистов «Наш голос» – фактически рукописный, напечатанный на машинке. В статье «К 7 ноября» (1952) Головачев писал о смысле продолжения борьбы с большевиками: «Пока живы люди, в которых еще тлеет искра активной борьбы с коммунизмом на российских просторах, эта искра может разгореться в жаркое пламя, в котором он погибнет. <...> Ненависть к коммунистам тех, кто с оружием в руках боролся против красных в гражданскую войну в России и пронес эту ненависть за границу до настоящего дня, рано ли поздно должна слиться с ненавистью, которая скрывается повсеместно в СССР. Когда эти две волны встретятся, то в момент своего слияния они окажутся тем мощным народным валом, который смоет с лица нашей Родины советскую власть интернационального коммунизма» [5].

Незадолго до смерти Головачев выступил в газете «Россия» с большой статьей «Роль российской эмиграции в современных условиях» (1956).

В статье он призывал эмиграцию к «познанию самой себя», если она «не хочет быть пустоцветом двадцатого века». Он считал, что сущность эмиграции заключена в идейной непрерывности: «Миссия национальной российской эмиграции – быть за пределами СССР отражением подлинной России». В условиях холодной войны эмиграция должна была содействовать «усилению свободного мира против коммунизма», доказывая преимущества этого мира своим «экономическим и правовым благополучием», развивая «все отрасли общественной, культурной и политической деятельности, которые не противоречат законам приютивших ее стран», быть «местоблюстителем России как историческая величина, пока существует СССР» [6, с. 2].

В.А. Морозов, вернувшись из Китая в СССР в 1954 г., в своих воспоминаниях постоянно возвращался к мысли, что история эмиграции «не должна и не может быть выброшена из истории русского народа вообще, и истории революции 1917 года в частности, потому что история эта, жизнь эмиграции, представляет собой явление чрезвычайно своеобразное, неповторимое, психологически и логически ни на что не похожее. Если кто хочет знать все о русском народе, он должен знать и то, каков был русский человек в эмиграции» [17, л. 41 об.–42]. Он утверждал, что эмигранты «не чувствовали себя преступниками перед Родиной и русским народом, и свое эмигрантское “белое” дело делали со спокойной совестью и чистой душой»: «Нельзя зачеркивать или пачкать те страницы истории нашего народа, которые рассказывают о причинах возникновения белой идеи, ее защите и защитниках, о людях, ушедших в эмиграцию, работавших и сохранивших верность своим понятиям о патриотизме, чести и достоинстве. Если эти страницы будут написаны честной и беспристрастной рукой, то они не бросят тени на русское имя, не запачкают его, а наоборот – покажут русскую душу с новой стороны, достойной удивления и одобрения» [17, л. 27 об.].

Революция 1917 г. и дальнейшие кардинальные изменения жизни в России заставили эмиграцию взглянуть на произошедшие события с другой, проигравшей стороны. Этот глубоко личный взгляд не был свободен от предвзятости. К тому же отношение к революции не могло быть однозначным, оценки и представления о революции менялись с течением времени, изменения политической ситуации, внутренней эволюции русской колонии в Китае. Однако размышления эмиграции о событиях 1917 г., о сущности русского характера, о будущем страны пронизаны чувством исторической надежды, веры в Россию и русский народ. Суждения эмигрантов о революции, анализ ее причин и последствий является сегодня ценным источником для создания объемного и многогранного облика русской смуты.

Библиография

1. Всеобщий календарь на 1940 год. Харбин: изд. А.Ф. Любавина, 1939. 116 с.
2. Гинс Г.К. Заметки к лекции «Люди в Советской России» // ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 6. Кадр 30–39.
3. Гинс Г.К. Рождение нового мира // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1942. 24 декабря.
4. Гинс Г.К. Русская интеллигенция и наука права // Вопросы школьной жизни. Харбин, 1925. № 3. С. 48–61.
5. Головачев М.П. К 7 ноября // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (BAR). Golovachev Collection. Box N 1.
6. Головачев М.П. Роль российской эмиграции в современных условиях // Россия. Нью-Йорк, 1956. 14 марта.
7. День непримиримости // Гун-бао (Харбин). 1934. 8 ноября.
8. Иванов В.Ф. В поисках государственного идеала. Харбин: тип. газеты «Русское слово», 1932. 47 с.
9. Иванов В.Ф. От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин: В.А. Морозов, 1934. 611 с.
10. Иванов Вс.Н. Ленин. Харбин: Гун-бао, 1928. 99 с.
11. Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин: тип. «Заря», 1932. 367 с.
12. Ильин И.С. Дневник. 1920–1926 гг. // ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. 264 л.
13. Ильин И.С. Дневник. 1929–1937 гг. // ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. 250 л.
14. Ильин И.С. История российской эмиграции в Маньчжурии // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. М.: РГГУ, 2015. Т. 7: Восточная ветвь. 1920–1928 гг. С. 797–842.
15. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Книжница, Русский путь, 2016. 480 с.
16. Меди Н.П. Освобожденная церковь // Китайский благовестник. Пекин; Шанхай, 1948. Янв.–апр. С. 29–33.
17. Морозов В.А. Воспоминания. 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 20. 128 л.
18. Морозов В.А. Воспоминания. 1965 г. // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11. 98 л.
19. Новогодние поздравления // Наш путь (Харбин). 1934. 1 января.
20. Родзаевский К.В. Отчет о моей 20-летней деятельности // Кентавр. 1993. № 4. С. 93–114.
21. Северный П. Последняя буря на Волге // Студенческая жизнь. Харбин, 1923. № 1. С. 15–17.
22. Скиталец С.Г. Перевал (психология русских характеров) // Вопросы школьной жизни. Харбин, 1926. № 4–5. С. 69–78.
23. Студенческая жизнь. Харбин, 1923. Февр. № 1.
24. Хорват Д.Л. Дальневосточная эмиграция (рукопись) // Государственный музей-заповедник (ГМЗ) «Петергоф». Фонд «Архив Музея семьи Бенуа». ПДМБ 4715-ар. 10 л.
25. Хорват Д.Л. Обращение к русской дальневосточной эмиграции 6 ноября 1932 г. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив Музея семьи Бенуа». ПДМБ 4705-ар. 2 л.

References

- Den' neprimirivosti // Gun-bao (Harbin). 1934. Nov. 8.
Gins G.K. Rozhdenie novogo mira // Russkaja zhizn'. San-Francisko, 1942. Dec. 24.
Gins G.K. Russkaja intelligencija i nauka prava // Voprosy shkol'noj zhizni. Harbin, 1925. N 3. P. 48–61.

- Gins G.K. Zametki k lekcii «Ljudi v Sovetskoj Rossii» // GARF. F. 10143. Op. 16. Kat. 6. Kadr 30–39.
- Golovachev M.P. K 7 nojabrja // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (BAR). Golovachev Collection. Box N 1.
- Golovachev M.P. Rol' Rossijskoj jemigracii v sovremennyh uslovijah // Rossija. New York, 1956. March 14.
- Horvat D.L. Dal'nevostochnaja jemigracija (rukopis') // Gosudarstvennyj muzej-zapovednik (GMZ) «Petergof». Fond «Arhiv Muzeja sem'i Be-nua». PDMB 4715-ar. 10 l.
- Horvat D.L. Obrashhenie k russkoj dal'nevostochnoj jemigracii 6 nojabrja 1932 g. // GMZ «Petergof». Fond «Arhiv Muzeja sem'i Benua». PDMB 4705-ar. 2 l.
- Il'in I.S. Dnevnik. 1920–1926 gg. // GARF. F. R-6599. Op. 1. D. 8. 264 l.
- Il'in I.S. Dnevnik. 1929–1937 gg. // GARF. F. R-6599. Op. 1. D. 10. 250 l.
- Il'in I.S. Istorija Rossijskoj jemigracii v Man'chzhurii // Russkaja voennaja jemigracija 20–40-h godov HH veka. Dokumenty i materialy. Moscow: RGGU, 2015. Vol. 7: Vostochnaja vetv'. 1920–1928 gg. P. 797–842.
- Il'in I.S. Skitanija russkogo oficera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920. Moscow: Knizhnica, Russkij put', 2016. 480 p.
- Ivanov V.F. Ot Petra I do nashih dnej. Russkaja intelligencija i ma-sonstvo. Harbin: V.A. Morozov, 1934. 611 p.
- Ivanov V.F. V poiskah gosudarstvennogo ideala. Harbin: tip. gazety «Russkoe slovo», 1932. 47 p.
- Ivanov Vs.N. Lenin. Harbin: Gun-bao, 1928. 99 p.
- Ivanov Vs.N. Ogni v tumane. Dumy o russkom opyte. Harbin: tip. «Zarja», 1932. 367 p.
- Medi N.P. Osvobodennaja cerkov' // Kitajskij blagovestnik. Pekin; Shanhaj, 1948. Jan.–Apr. P. 29–33.
- Morozov V.A. Vospominanija. 1964 g. // RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 20. 128 l.
- Morozov V.A. Vospominanija. 1965 g. // RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 11. 98 l.
- Novogodnie pozdravlenija // Nash put' (Harbin). 1934. Jan. 1.
- Rodzaevskij K.V. Otchet o moej 20-letnej dejatel'nosti // Kentavr. 1993. N 4. P. 93–114.
- Severnyj P. Poslednjaja burja na Volge // Studencheskaja zhizn'. Harbin, 1923. N 1. P. 15–17.
- Skitalec S.G. Pereval (psihologija russkih harakterov) // Voprosy shkol'noj zhizni. Harbin, 1926. N 4–5. P. 69–78.
- Studencheskaja zhizn'. Harbin, 1923. Feb. N 1.
- Vseobshhij kalendar' na 1940 god. Harbin: izd. A.F. Ljubavina, 1939. 116 p.